Л. Н. НИССЕЛОВИЧЪ.

ГЖ310
П883

КЪ ВОПРОСУ
о тактикѣ кадетской фракціи
въ Государственной Думѣ.

„Читатели и избиратели!
„Думаете-ли вы, что Дума въ „правѣ ограничиться только законо-„проектирующей дѣятельностью?“
„Въ правѣ-ли она только формули-„ровать желанія народа, не дѣлая „доступныхъ ей активныхъ шаговъ „для ихъ скорѣйшаго практическаго „осуществленія?“
Изъ газеты „XX вѣкъ“.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая ул., № 48.
1906.

ГЖ310
Н 883

Л. Н. НИССЕЛОВИЧЪ.

КЪ ВОПРОСУ

о тактикѣ кадетской фракціи

въ Государственной Думѣ.

„Читатели и избиратели!
„Думаете-ли вы, что Дума въ
„правѣ ограничиться только законо-
„проектирующей дѣятельностью?“
„Въ правѣ-ли она только формули-
„ровать желанія народа, не дѣлая
„доступныхъ ей активныхъ шаговъ
„для ихъ скорѣйшаго практическаго
„осуществленія?“
Изъ газеты „XX вѣкъ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая ул., № 48.
1906.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖ310 р
Н883

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

36129

Вмѣсто предисловія.

Авторъ настоящей брошюры былъ избранъ выборщикомъ въ Государственную Думу отъ его родного города [1]) 798 голосами изъ 928 явившихся избирателей [2]) и выставленъ кандидатомъ въ члены Государственной Думы еще и другими городами и мѣстечками, въ томъ числѣ губернскимъ городомъ Митавою. Здѣсь не мѣсто,—да это въ настоящее время и не входитъ въ намѣренія автора, изложить перипетіи избирательной кампаніи, которую ему пришлось продѣлать, чтобы лишній разъ доказать всю непригодность и явную антинародность навязанной Россіи правительствомъ Витте-Дурново уродливой системы двухстепенныхъ выборовъ, благодаря которымъ надежда автора получить возможность говорить съ Думской кафедры не осуществилась. Достаточно отмѣтить, что въ губерніи, о которой идетъ рѣчь, депутатскій мандатъ отъ крестьянской куріи, состоявшей всего изъ 13 выборщиковъ, явившихся въ избирательное собраніе въ полномъ составѣ, достался тому,

[1]) Баускъ, Курляндской губерніи.

[2]) Всѣхъ избирателей, занесенныхъ въ избир. списки, было 1145.

который получилъ 7 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ голосовъ, а изъ другихъ кандидатовъ одинъ депутатскій мандатъ достался тому, который съумѣлъ обезпечить за собою голоса *пяти* выборщиковъ изъ 47, участвовавшихъ въ голосованіи на губернскомъ избирательномъ собраніи.

Но какъ бы то ни было, мы теперь должны считаться съ совершившимся фактомъ, благо мы всѣ заурядные русскіе обыватели мирились съ нелѣпой избирательной системой, шли—хотя быть можетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и душевной болью къ избирательнымъ урнамъ и вручили хотя косвеннымъ путемъ нашъ мандатъ тѣмъ, которые теперь засѣдаютъ въ Таврическомъ дворцѣ, а сама верховная власть признала ихъ нашими „лучшими людьми“. Съ тѣмъ большей напряженностью мы всѣ обязаны слѣдить за тѣмъ, какъ эти „лучшіе люди“, которыхъ мы послали въ первое наше представительное собраніе, творятъ нашу волю и каждый изъ избирателей, а тѣмъ паче каждый изъ выборщиковъ, имѣющій что нибудь сказать по поводу образа дѣйствій нашихъ парламентаріевъ, не въ правѣ молчать, а долженъ громогласно заявить, какъ онъ относится къ ихъ тактическимъ пріемамъ, дабы не вышло qui tacet, cum loqui debetur, consentire videtur.

Факты и выводы.

Въ то время, какъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ нашей обширной, изстрадавшейся родины довѣрчивые русскіе обыватели шлютъ Государственной Думѣ свои привѣтствія и пожеланія, разсказывая при этомъ о чинимыхъ надъ ними по прежнему насиліяхъ и издѣвательствахъ, умоляя народныхъ избранниковъ о заступничествѣ,—въ столицѣ, бокъ о бокъ съ Думой, многія общественныя организаціи и некадетски-партійные органы печати крайне недовольны кадетскимъ большинствомъ въ Думѣ, или вѣрнѣе сказать—вожаками ея кадетской фракціи, властно дирижирующими Думскимъ оркестромъ по ими же сочиненнымъ „конституціоннымъ нотамъ“ на мотивъ „имѣйте терпѣніе, жизнь будетъ за насъ“. Эти дирижеры, говорятъ,—до сихъ поръ заставляютъ народныхъ избранниковъ слушать ученыя лекціи на злободневныя темы, снисходительно успокоивая горячія головы одобрительными рукоплесканіями, а дѣло страны, дѣло народной свободы, которое они клятвенно обѣщали вырвать изъ рукъ народныхъ насильниковъ оставляютъ въ тѣхъ же

цѣпкихъ рукахъ, не дѣлая никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, чтобы исполнить волю народную. „Конституціонный“ предсѣдатель Думы С. А. Муромцевъ не допускаетъ „непарламентскихъ“ рѣзкостей, корректный В. Д. Набоковъ, бросая укоризненный взглядъ въ сторону министерской ложи съ выраженіемъ благороднаго негодованія по адресу упорно не желающихъ ее эвакуировать, съ другой стороны, предлагаетъ вполнѣ „конституціонныя формулы переходовъ къ очереднымъ „дѣламъ“, которыя подъ акомпаниментъ излюбленныхъ думскихъ ораторовъ гг. Родичева, Петрункевича и др., послѣ нѣкоторыхъ пререканій съ „трудовиками“ и съ одобренія гг. Гейдена, М. Л. Стаховича и „Ерогинцевъ“ принимаются *единогласно* или почти единогласно,—а министры, временные генералъ-губернаторы, военные суды и прочіе власть имущіе—продолжаютъ и по днесь дѣлать на Руси „свое“ дѣло, народъ же стонетъ и гибнетъ, молитъ и ждетъ, когда же наконецъ прекратятся его страданія.

На эти порицанія по адресу кадетскихъ вожаковъ закулисный лейбъ-дирижеръ кадетской фракціи въ Думѣ П. Н. Милюковъ въ статьѣ, напечатанной въ „Рѣчи“ [1]), отвѣчаетъ, что „*кажущаяся* (курсивъ мой) мед-

[1]) „Первый мѣсяцъ Думской работы“. Рѣчь, отъ 30 мая 1906 г. № 86.

лительность и сдержанность Думы, на которую особенно жалуются ея *недоброжелатели* (курсивъ мой), въ существѣ дѣла есть сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ ея тактики".

Итакъ, П. Н. Милюковъ называетъ тѣхъ, которые требуютъ со стороны Думы быстроты и натиска въ борьбѣ съ самодержавной бюрократіей „недоброжелателями" Думы, а медлительность и сдержанность послѣдней, по его мнѣнію только „кажущаяся" и въ существѣ дѣла является „сознательнымъ и заранѣе обдуманнымъ аттрибутомъ ея тактики".

Что принципъ „непротивленія злу" въ смыслѣ выжидательнаго отношенія кадетскихъ лидеровъ къ ежедневнымъ злоупотребленіямъ властей составляетъ сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ кадетской тактики, въ этомъ *теперь* никто уже больше не сомнѣвается, какъ никто уже больше не сомнѣвается и въ томъ, что этотъ „аттрибутъ" кадетскіе лидеры тщательно утаивали отъ довѣрчивыхъ избирателей во время предвыборной агитаціи, когда они на многолюдныхъ собраніяхъ, бія себя перстами въ грудь, давали аннибалову клятву *въ первый же день* открытія Думы *потребовать* преданія суду всѣхъ насильниковъ народа, отмѣны всѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, нависшихъ надъ нашей несчастной страной, какъ свинцовыя тучи, и т. д. и т. д.

Но въ правѣ ли П. Н. Милюковъ, считать „медлительность“ и „сдержанность“ Думы только *кажущейся* и называть тѣхъ, которые недовольны этимъ „сознательнымъ и заранѣе обдуманнымъ“ аттрибутомъ кадетской тактики въ Думѣ *недоброжелателями* послѣдней,—на эти вопросы я постараюсь отвѣтить коротенькой рекапитуляціей всего того, въ чемъ до сихъ поръ выразилась *активность* Думы въ борьбѣ за *свободу* народа—коротенькой, такъ какъ въ сущности отсутствіе признаковъ настоящей „активности“ въ Думской тактикѣ признается и многими депутатами изъ среды самой кадетской фракціи.

Итакъ вотъ что „сдѣлала“ Дума за время ея существованія:

Дѣйствіе I-ое.

Какъ только открывшій Думу сановникъ уступилъ предсѣдательское кресло избранному предсѣдателю Думы С. А. Муромцеву, депутатъ Петрункевичъ взошелъ на кафедру, произнесъ краткое, прочувствованное слово на тему „амнистія“ и, какъ по мановенію жезла, *всѣ* депутаты, за исключеніемъ кажется трехъ, вскочили съ своихъ мѣстъ и огласили блестящіе покои блаженной памяти свѣтлѣйшаго князя Таврическаго неслыханными доселѣ въ „оныхъ покояхъ“ возгласами: „амнистія, амнистія, амнистія!“

Я не безъ намѣренія подчеркнулъ слово „всѣ“, желая этимъ отмѣтить тутъ же, что въ этомъ *первомъ дѣйствіи* Думы участвовали не одни кадеты, боровшіеся на выборахъ подъ знаменемъ „народной свободы“, но и октябристы и даже крайніе правые, т. е. реакціонеры pur sang, слѣдовательно въ вопросѣ объ амнистіи, если бы даже онъ былъ рѣшенъ въ желательномъ для народа смыслѣ, кадеты не имѣли бы ни малѣйшаго основанія сказать своимъ избирателямъ: „вотъ видите ли, мы клялись передъ вами освободить томящихся въ тюрьмахъ и ссылкѣ борцовъ за свободу народа и мы исполнили нашу клятву“,—такъ какъ октябристы и даже правопорядковцы могли бы въ этомъ случаѣ съ еще большимъ апломбомъ сказать избирателямъ: „а вотъ видите ли, мы и безъ аннибаловыхъ клятвъ и геройскихъ жестовъ во время предвыборной кампаніи, получивъ депутатскіе мандаты, не менѣе вашихъ излюбленныхъ трибуновъ „постарались“ и добились освобожденія борцовъ за свободу“.

Но на дѣлѣ, несмотря на почти единодушные возгласы объ „амнистіи“, раздавшіеся въ стѣнахъ Таврическаго дворца, амнистія не воспослѣдовала и борцы за народную свободу остались подъ запорами тюремъ и въ ссылкѣ, какъ и до открытія Думы. Что-же сдѣлали именно кадеты для того, чтобы исполнить

данную ими клятву? Въ чемъ проявился, если не ихъ геній, то хотя бы ихъ коллективный разумъ, чтобы настоять на исполненіи воли пославшаго ихъ измученнаго произволомъ народа? Съ грустью приходится констатировать, что въ данномъ случаѣ кадеты ни на іоту не ушли отъ ими же поносимыхъ и справедливо презираемыхъ приказныхъ, ограничившись канцелярской отпиской, сочиненіемъ „конституціонной“ резолюціи съ переходомъ къ очереднымъ „дѣламъ“. Устами П. Н. Милюкова кадетская фракція заявляетъ, что „сдержанность и медлительность Думы есть сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ ея тактики“, но увы! отъ этой тактики народу не легче.

Дѣйствіе II-ое.

При помощи, или вѣрнѣе сказать подъ диктовку, лидеровъ кадетской фракціи составляется отвѣтный адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово Государя собравшимся въ Зимнемъ Дворцѣ членамъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта 27 Апрѣля,—слово, къ которому—замѣтимъ мимоходомъ—„конституціонные“ кадеты „для пущей важности“ прилѣпили „конституціонный“ ярлыкъ „тронной рѣчи“. Въ адресѣ трактуется обо всемъ полегоньку, понемножку,

въ корректномъ „конституціонномъ“ тонѣ и въ заключеніе упоминается о необходимости дарованія всеобщей амнистіи всѣмъ „политическимъ“ и „аграрникамъ“. Адресъ вотируется Государственной Думой опять *единогласно* или почти единогласно, ибо уходъ шести членовъ Думы изъ зала засѣданій во главѣ съ М. А. Стаховичемъ и гр. Гейденомъ произошелъ, какъ извѣстно, изъ-за того, что Дума, по объясненію Ѳ. И. Родичева, въ качествѣ учрежденія законодательнаго, не пожелала взять на себя роль моралиста для осужденія террористическихъ убійствъ съ политической цѣлью, хотя, конечно, кадеты принципіально осуждаютъ таковыя. Такимъ образомъ и въ данномъ „дѣйствіи“ кадеты *опять* оказались на *одной линіи* съ октябристами и прочими правыми элементами въ Думѣ.

Вручение адреса Государю было возложено на президіумъ Думы. Сама Дума и съ нею все общество съ тревогой ждали момента пріема Государемъ президіума Думы. Носились зловѣщіе слухи, что придворные добились отказа въ пріемѣ Государемъ Думскаго президіума, но въ достовѣрность этихъ слуховъ менѣе всѣхъ, конечно, вѣрили кадетскіе вожаки.

Но эти слухи вскорѣ оправдались. Государственной Думѣ повелѣно было препрово-

дить свой адресъ на Высочайшее имя *обычнымъ* путемъ чрезъ министра Двора. Какъ реагировала Дума на преподанный ей урокъ „этикета", мы всѣ знаемъ: выслушавъ сообщеніе по сему поводу предсѣдателя Совѣта министровъ на имя предсѣдателя Государственной Думы, В. Д. Набоковъ взошелъ на кафедру, произнесъ приличествующую случаю, полную гражданскаго мужества рѣчь, и предложилъ вполнѣ корректную, согласную съ „конституціонными" традиціями, формулу перехода къ очереднымъ „дѣламъ", которая, послѣ робкой попытки со стороны трудовиковъ нѣсколько повысить тонъ, принимается Думой *опять единогласно* и инцидентъ исчерпанъ. „Кажущаяся" сдержанность Думы, составляющая по словамъ П. Н. Милюкова „сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ кадетской тактики", одержала новую побѣду— но увы! не надъ тѣми, которые идутъ противъ воли народа, а надъ тѣми депутатами, которые были задѣты за живое нанесенной имъ, какъ представителямъ народа, обидой и готовы были крикнуть отъ боли: „долой ваши мнимо-конституціонныя формулы такъ называемыхъ переходовъ къ „очереднымъ дѣламъ", пора и честь знать. . . . . Не буду, однако, забѣгать впередъ и остановлюсь на слѣдующемъ очередномъ „дѣлѣ" Думы. Итакъ,

Дѣйствіе III-е.

Предсѣдатель Совѣта министровъ доводитъ до свѣдѣнія Государственной Думы отвѣтъ правительства на предположенія Думы, изъясненныя въ ея адресѣ на имя Государя. Оказывается, что правительство ни въ одномъ пунктѣ не намѣрено идти рука объ руку съ народными представителями. Думскіе ораторы поочередно восходятъ на кафедру, даютъ волю волнующимъ ихъ чувствамъ, и въ результатѣ Государственная Дума подъ давленіемъ кадетскаго большинства *опять единогласно* или почти единогласно вотируетъ „конституціонную“ формулу перехода къ очереднымъ „дѣламъ“ съ выраженіемъ недовѣрія „конституціонному“ министерству. Кадетская печать ликуетъ по случаю „моральной побѣды“, одержанной Думой надъ несговорчивыми министрами, а въ странѣ—военные и гражданскіе „радѣтели“ о благѣ народномъ продолжаютъ дѣлать свое дѣло, нисколько не смущаясь Думскими откликами. А гг. министры,—да они прекрасно знаютъ цѣну и себѣ и Думѣ, превосходно заучили еще въ дѣтствѣ извѣстную басню Крылова „Котъ и поваръ“, великодушно прощаютъ юной, увлекающейся артисткѣ и продолжаютъ занимать отведенную имъ въ зрительномъ—то бишь парламентскомъ залѣ ложу, не желая отказаться отъ

удовольствія послушать и впредь талантливую игру кадетскихъ лидеровъ въ „конституцію“, а послѣдніе въ свою очередь, мечтая о предстоящей по ихъ разсчетамъ въ недалекомъ будущемъ эвакуаціи министерской ложи и занятіи ими вакантныхъ креселъ, строго соблюдаютъ „конституціонную сдержанность“, какъ „сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ кадетской тактики“.

Дѣйствіе IV-ое.

Картина 1-ая.

Въ думу вносится записка 42 по аграрному вопросу. Раздаются голоса о передачѣ записки въ коммиссію безъ предварительнаго ея обсужденія въ plenum-ѣ Думы, такъ какъ время дорого и на очереди стоятъ неотложные вопросы о неприкосновенности личности, о свободахъ, о равенствѣ гражданъ передъ закономъ, о положеніи самой Государственной Думы, и проч. и проч. Но кадетскіе лидеры рѣшили, что аграрный вопросъ самый подходящій предметъ для демонстрированія ad oculos „сдержанности и медлительности“ Думы, какъ „сознательнаго и заранѣе обдуманнаго аттрибута“ кадетской тактики, и по мудрой ихъ указкѣ Дума превращается

на недѣли въ Эдисоновскій аппаратъ для увѣковѣченія разнаго сорта перловъ краснорѣчія. Созданнымъ кадетской фракціей счастливымъ положеніемъ не преминули воспользоваться г.г. министры, которымъ затяжныя рѣчи въ Думѣ по сложному и запутанному аграрному вопросу оказались вполнѣ на руку, такъ какъ бюрократія главнымъ образомъ опасалась со стороны Думы быстроты и натиска дѣйствій. На арену выступаютъ главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ г. Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко и между ними и членами Думы завязывается настоящій словесный турниръ. Правда, что въ этомъ турнирѣ г.г. Стишинскій и Гурко провалились съ трескомъ, побѣда осталась за московскимъ депутатомъ г. Герценштейномъ, которому Дума устраиваетъ бурную овацію, но пока-что бюрократія во первыхъ достигла того, что Дума очутилась въ положеніи капризнаго ребенка, который покричитъ, покричитъ, а потомъ успокоится, и во вторыхъ, что еще важнѣе—выиграло время для „успокоенія умовъ“ на свой образецъ. Насколько эти хитроумные разсчеты бюрократіи оправдаются, это—другой вопросъ, его разрѣшитъ будущее, но пока-что бюрократія имѣетъ всѣ основанія быть довольной кадетами, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и хвалебные отзывы объ ихъ так-

тикѣ прекрасно освѣдомленнаго на счетъ настроенія бюрократическихъ сферъ «Новаго Времени".

Картина 2-ая.

Въ видѣ интермеццо,—отнюдь не прекращая окончательно преній по аграрному вопросу, кадеты вносятъ въ Думу сперва предложеніе а затѣмъ и самый законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Настроеніе всей Думы по этому вопросу, отражающее, какъ въ зеркалѣ, настроеніе всей страны, таково, что законопроектъ этотъ вотируется Думой *опять единогласно*, причемъ признается *неотложность* его проведенія въ жизнь. Въ этихъ видахъ вотированный Думой законъ безъ замедленія сообщается министерству для безотлагательнаго дальнѣйшаго движенія его по инстанціямъ, дабы ускорить его утвержденіе верховной властью. Но правительство Витте-Дурново отлично предвидѣло, что Дума навѣрное постарается поскорѣе отдѣлаться отъ нагроможденныхъ имъ въ послѣдніе мѣсяцы разныхъ временныхъ правилъ и законовъ, а потому заранѣе обезопасило себя отъ „поспѣшныхъ" рѣшеній народныхъ представителей введеніемъ въ положеніе о Гос. Думѣ 20 февраля правила, дающаго г.г. министрамъ цѣлый мѣсяцъ на размышленіе по поводу каждаго

передаваемаго Думой на ихъ заключеніе законопредположенія. Поспѣшно препроводивъ принятый Думой законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни Совѣту министровъ, съ категорическимъ указаніемъ на крайнюю неотложность его фактическаго осуществленія, самоувѣренные и самообольщающіеся кадетскіе лидеры надѣялись, что на этотъ разъ г.г. министры, которымъ Дума только-что выразила недовѣріе, вѣроятно пожелаютъ идти на мировую и исполнятъ единодушно выраженное желаніе Думы. Но г.г. министры оказались выше подобныхъ „подозрѣній“ и стоически отвѣтили Думѣ, что они и въ данномъ вопросѣ отнюдь не намѣрены отказаться отъ предоставленнаго имъ по закону права пошевеливать мозгами въ теченіе мѣсяца. Нѣкоторыя горячія головы пытались было протестовать противъ подобнаго стоицизма со стороны г.г. министровъ. Но „кажущаяся“ сдержанность, составляющая „сознательный и заранѣе обдуманный аттрибутъ“ кадетской тактики, опять восторжествовала и „конституціонная“ Дума вновь перешла къ „очереднымъ дѣламъ“, то бишь къ безконечнымъ преніямъ по аграрному вопросу.

БИБЛІОТЕКА ... ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
36129

Картина 3-ья.

Рѣчи депутатовъ вокругъ да около „земли“ льются какъ изъ рога изобилія. Тона, краски,

штрихи, оттѣнки и проч., постоянно мѣняются, точно въ калейдоскопѣ, а запись ораторовъ все еще продолжается. Кто-то пытается предложить остановить бурный потокъ краснорѣчія, но попытка не встрѣчаетъ сочувствія; да оно и понятно: лавры однихъ не даютъ спать другимъ, благо эти лавры такъ доступны и раздаются щедрой рукой любезными представителями печати въ видѣ обстоятельныхъ отчетовъ о каждомъ Думскомъ засѣданіи съ передачей всѣхъ произносимыхъ депутатами рѣчей, по временамъ безсодержательныхъ и даже по формѣ далеко не безупречныхъ. Вслѣдъ за одной такой рѣчью орловскій депутатъ Ф. В. Татариновъ, не выдержалъ характера и, забывъ хваленый „аттрибутъ“ кадетской тактики— „сдержанность“, взошелъ на кафедру и заявилъ:

„Никто рѣчей не слушаетъ, многіе покидаютъ залъ или занимаются разговорами. Очевидно, ораторы не хотятъ убѣдить Думу и не къ ней обращаются съ рѣчами, а къ своимъ избирателямъ, предлагаю другой способъ говорить съ избирателями: отпечатать рѣчи и разослать ихъ, не задерживая Думы этими рѣчами“. Но Дума, хотя и встрѣчаетъ предложеніе г. Татаринова апплодисментами, все же продолжаетъ тоскливо слушать послѣдующихъ ораторовъ, не желающихъ отказаться отъ удовольствія испытывать терпѣніе своихъ товарищей. Доходитъ до того,

что самъ Ѳ. И. Родичевъ появляется на кафедру съ призывомъ прекратить безполезныя пренія, но этотъ запоздалый призывъ кадетскаго лидера *теперь* уже безсиленъ остановить разошедшуюся стихію и безконечныя пренія по аграрному вопросу продолжаются.

Такова суть главнаго „дѣла", которымъ ознаменовалась „дѣятельность" Государственной Думы за все время ея существованія. Во избѣжаніе упрека въ неполнотѣ сдѣланнаго мною наброска этой „дѣятельности", я еще долженъ добавить, что я не безъ намѣренія совершенно обошелъ молчаніемъ ту „работу" Думы, которая выражалась въ провѣркѣ депутатскихъ полномочій, въ преніяхъ по редакціи Думскаго наказа и въ безчисленныхъ запросахъ Думы по адресу глухонѣмыхъ министерскихъ канцелярій, потому что говорить о *продуктивности* этой „работы" Думы при тѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ, которыя перманентно за время существованія Думы сдавливаютъ дыханіе всей страны, мнѣ кажется положительно излишнимъ. Во всякомъ случаѣ смѣю думать, что предыдущій эскизъ воочію доказываетъ, что „медлительность"

Думы, характеризуемая П. Н. Милюковымъ какъ „кажущаяся", — менѣе всего можетъ быть названа таковой. Эта медлительность не „кажущаяся", а неопровержимый фактъ, который и коробитъ всѣхъ тѣхъ, которымъ Дума дорога, потому что они ее выстрадали, съ глубокой вѣрой въ коллективный ея разумъ, долженствующій вывести нашу родину на торную дорогу,—которые мечтали, что собравшись, Дума выдвинетъ изъ своей среды рѣшительныхъ вождей народа, которые съумѣютъ остановить господствующій въ странѣ произволъ, словомъ всѣхъ тѣхъ, которые являются *не* „недоброжелателями" ея, какъ утверждаетъ П. Н. Милюковъ, а наоборотъ ея пламенными *доброжелателями*, скорбящими о томъ, что, благодаря «невозмутимости» лидеровъ кадетской фракціи, первый русскій парламентъ, по признанію одного изъ самыхъ выдающихся членовъ Думы проф. Н. А. Гредескула, «еще не взялъ ни одной фактической позиціи изъ числа тѣхъ, которыя ему предстоитъ взять, не достигъ никакого *фактическаго* (курсивъ проф. Гредескула) результата[1]). „Но позвольте, нетерпѣливые зрители,— это мы съ вами, читатели и избиратели, нетерпѣливые зрители по подлинному выраженію г. Милюкова — раздается авторитетный окликъ П. Н. Милюкова, — „вѣдь

*) См. статью проф. Гредескула „Тактика Думы", напечат. въ № 89 „Рѣчи" отъ 2 Іюня 1906 г.

всего то *только* одинъ мѣсяцъ прошелъ со дня открытія Думы, а какъ много уже достигнуто. *Только* мѣсяцъ прошелъ,—и *министерство лежитъ поверженное и подняться не можетъ* (курсивъ мой): замѣтьте, министерство, *ничего изъ рукъ вонъ преступнаго еще не успѣвшее совершить* (курсивъ мой) и отягощенное главнымъ образомъ связью со своими и чужими *прошлыми* (курсивъ мой) преступленіями. Сколько времени нужно было, чтобы дискредитировать и сдѣлать невозможными прежнія министерства? И сколько злодѣяній они успѣвали совершать, пока не скосила ихъ какая-нибудь стихійная сила? И поверженныя, наконецъ, уступали ли они новымъ принципамъ, или только новымъ людямъ?». Вся эта тирада, поставленная мною въ ковычкахъ, заимствована въ подлинныхъ выраженіяхъ изъ той же статьи П. Н. Милюкова напечатанной въ № 86 «Рѣчи» отъ 30 мая с. г. И вотъ я спрашиваю себя и васъ, читатели и избиратели, не кажется ли вамъ, что эти строки написаны не подлиннымъ жителемъ нашей истерзанной родины, гдѣ подъ эгидой «поверженнаго» министерства, совершаются тѣ-же казни, тѣ-же провокаторскіе погромы съ безчисленными человѣческими жертвами, и проч., и проч., а—кабинетнымъ, самодовольнымъ и самообольщающимся лидеромъ большой политической партіи, считаю-

щей себя призванной освободить Россію отъ сковывающихъ ее путъ анархіи и надвигающейся пугачевщины. Въ самомъ дѣлѣ, по какимъ это осязательнымъ даннымъ П. Н. Милюковъ вправѣ утверждать, что „министерство лежитъ поверженное и подняться не можетъ", когда это самое министерство третируетъ Думу точно малое „дитю" и въ немногихъ данныхъ ей до сихъ поръ отвѣтахъ на безчисленныя ея запросы ограничилось простой канцелярской отпиской. Или, быть можетъ, у г. Милюкова имѣются извѣстныя только ему одному данныя иного характера. Если у него имѣются дѣйствительно такія данныя, — въ чѣмъ я сильно сомнѣваюсь, то почему-же ему не подѣлиться ими съ „нетерпѣливыми зрителями", которые какъ никакъ все же дали кадетамъ возможность держать въ своихъ рукахъ дирижерскую палочку въ бѣломъ залѣ Таврическаго дворца. „*Мы знаемъ*, заявляетъ П. Н. Милюковъ,—что жизнь будетъ за насъ; *мы знаемъ*, что только тотъ, кто ей служитъ, можетъ надѣяться ею управлять. *Мы знаемъ*, гдѣ лежитъ общее теченіе жизни, и смѣло направляемъ нашъ руль въ ея главный фарватеръ". Боже мой, какъ это «мы знаемъ» напоминаетъ собою знаменитое изреченіе графа Витте: „я знаю, какъ спасти Россію". Между тѣмъ, мы всѣ вѣдь знаемъ, что гр. Витте такъ и укатилъ заграницу, никому

не открывъ своего секрета: «какъ спасти Россію.“ Не случится-ли тоже самое и съ лидерами кадетской партіи? П. Н. Милюковъ недовольный «эксцессами» нѣкоторыхъ ораторовъ (г.г. Аникинъ, Аладьинъ и др., примите къ свѣдѣнію этотъ кивокъ въ вашу сторону!), заканчиваетъ свою выше цитированную нами статью слѣдующей тирадой: «Въ этомъ знаніи, въ этой увѣренности лежитъ *секретъ* (курсивъ мой) нашего успѣха. Мы не надѣемся сдѣлать этотъ *секретъ* (курсивъ мой) понятнымъ тѣмъ, кто насъ критикуетъ», «Отвѣтомъ на этого рода критику служатъ, будутъ служить достигнутые нашими усиліями *положительные* (курсивъ мой) результаты».

Итакъ, у лидеровъ кадетской партіи такъ таки имѣется (точь въ точь, какъ у графа Витте) „секретъ“, котораго они не надѣются сдѣлать понятнымъ тѣмъ, кто ихъ критикуетъ. Оно и немудрено, ибо какъ можно надѣяться сдѣлать «понятнымъ» кому-бы то ни было *то*, *что* составляетъ невѣдомый никому, кромѣ кадетскихъ лидеровъ, *секретъ*. Но что еще болѣе непонятно въ ораторіи г. Милюкова это его заключительный аккордъ: «отвѣтомъ на подобнаго рода критику *служатъ достигнутые* нами *положительные* результаты». Скажите Бога ради, о какихъ это *достигнутыхъ* вами «положительныхъ» результатахъ вы имѣете мужество говорить послѣ всѣхъ тѣхъ ударовъ,

которые вамъ нанесли, выражаясь вашими-же словами, «революціонеры» справа?—Впрочемъ, эти «достигнутые вами положительные результаты» очевидно составляютъ вѣдомый *одному* П. Н. Милюкову, „секретъ“. Недаромъ другой защитникъ кадетской тактики не обинуясь, какъ мы видѣли, удостовѣряетъ какъ разъ вопреки увѣреніямъ П. Н. Милюкова, что „нашъ первый парламентъ еще *не достигъ никакого фактическаго* результата“. Да это, впрочемъ, никакого „секрета“ ни для кого не составляетъ. Значитъ: *положительныхъ* результатовъ намъ еще приходится ждать отъ кадетской тактики въ будущемъ. Въ нормальное время оно бы, конечно, ничего не стоило еще немного „подождать“. Ждали мы годами, десятками лѣтъ, подождемъ еще и еще. Но бѣда въ томъ, что во всей странѣ пахнетъ гарью и человѣческой кровью, и вотъ каждому изъ насъ „нетерпѣливыхъ зрителей“ невольно приходитъ на умъ наша русская поговорка: „пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ“.

Заключеніе.

«Такъ что-же по вашему надо сдѣлать?» слышу я не со стороны, конечно, кадетскихъ лидеровъ, для которыхъ мы избиратели только «нетерпѣливые зрители», а со стороны именно

этихъ самыхъ нетерпѣливыхъ зрителей. На этотъ вопросъ я отвѣчу коротко и безъ всякихъ прикрасъ и околичностей:

„Объединяйтесь, господа, и кликните вашимъ избранникамъ:

1) „познайте самихъ себя и вашихъ противниковъ;

2) перестаньте играть въ „конституцію», которая еще вилами на водѣ писана;

3) будьте искренни и откройте вашъ секретъ и монарху и народу, въ единеніи съ которыми вы должны сдвинуть съ мѣста тѣ темныя силы, которыя мѣшаютъ устроенію Россіи на началахъ правды и справедливости“.

Sapienti sat!

Послѣсловіе.

Предъидущія строки уже набирались въ типографіи, когда были получены ужасающія извѣстія о кровавой банѣ, уготовленной моимъ единовѣрцамъ въ Бѣлостокѣ, тѣми, кто по выраженію кн. Урусова „вахмистры по воспитанію и погромщики по убѣжденіямъ". Читатели, конечно, прекрасно понимаютъ, какую острую боль долженъ испытать каждый еврей при такихъ душу раздирающихъ извѣстіяхъ. Государственная Дума проявила свою „активность" въ настоящемъ случаѣ посылкой на мѣсто погрома трехъ депутатовъ для ознакомленія съ подробностями разыгравшейся трагедіи и негодующимъ протестомъ въ самомъ Таврическомъ дворцѣ противъ учиненныхъ насилій. *И только!* „Какъ и только" — спросите вы, а что же больше могла сдѣлать Дума, которая облечена лишь законопроектирующей властью? — Словъ нѣтъ, что при той тактикѣ, которой держится наша „конституціонная" Дума, она сдѣлала все, что было въ ея власти. Но это-то обстоятельство и служитъ, по мо-

ему глубокому убѣжденію, самой яркой иллюстраціей высказанной мною мысли, что кадетская „тактика“ при тѣхъ атмосферныхъ явленіяхъ, которыя нынѣ сдавливаютъ дыханіе всей страны“, совершенно неумѣстна.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о проявленной еврейскими депутатами „активности“ по случаю Бѣлостокскаго погрома. Одинъ изъ нихъ—г. Якубсонъ, былъ въ числѣ парламентскихъ делегатовъ, а двое—произнесли въ самой думѣ довольно приличныя (въ сравненіи съ яркими и блестящими рѣчами, произнесенными христіанскими депутатами, въ частности г. Аладьинымъ) рѣчи, и наконецъ, г.г. Брамсонъ, Шефтель и кто-то еще были у министра внутреннихъ дѣлъ и просили его принять мѣры... Мнѣ больно, что я долженъ здѣсь ставить точки. Напомню г.г. еврейскимъ депутатамъ, что много лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, когда еврейскіе погромы отразились больше на перинахъ нашихъ единовѣрцевъ, чѣмъ на ихъ жизни, когда у насъ еще не было ни „парламента“ ни избранныхъ народомъ „лучшихъ людей“, еврейская „депутація“ въ лицѣ барона Г. О. Гинцбурга и А. Я. Пассовера и покойнаго Э. Б. Банка, нашла доступъ къ императору Александру III и услышала отъ него магическое слово, которое положило потомъ конецъ безобразнымъ эксцессамъ противъ еврейскаго населенія. А теперь!

Увы, наши „лучшіе люди“ не нашли ничего *лучшаго* какъ обратиться съ просьбой къ министру внутреннихъ дѣлъ о принятіи какихъ-то мѣръ къ подавленію безпорядковъ!—Какъ это обидно и грустно, г.г. еврейскіе „избранники“!

БИБЛИОТЕКА
(НВКП)
ГРОЗНЫЙ